

**РАЗВИТИЕ КОНЦЕПЦИИ «СИМФОНИИ ВЛАСТЕЙ»
В ДРЕВНЕЙ РУСИ В XV—XVII ВВ.****О. А. Новиков***Воронежский государственный университет*

Церковно-государственные отношения — важная часть истории России. Их становление и развитие происходило одновременно с развитием Русского государства. Концепция “симфонии властей” представляет собой, пожалуй, главную часть византийского наследия Руси, которое стало краеугольным камнем в здании русской государственности на долгие века.

Государственная власть становилась в определенном смысле выразителем нравственно-религиозных идеалов Православия. С этих позиций восприятие Древнерусским государством византийской концепции “симфонии властей” представляет определенный интерес для истории государства и права.

Древняя империя, угасшая на берегах Босфора в середине XV столетия, оставила после себя богатое наследие. Еще многие века спустя вынашивались планы по её восстановлению. Призрак Византии (или вернее сказать, воспоминания об этой стране, когда-то великой, но канувшей в лету), ещё долго занимал умы многих государственных и церковных деятелей Европы.

И когда римский папа в конце XV века предложил московскому князю Ивану III брак с представительницей последней императорской династии Византии, который символизировал бы преемственность Руси по отношению к наследию «ромеев», то он согласился на такой шаг. Нужно отметить, что к тому времени многие византийские традиции уже были восприняты Русью (например, концепция «симфонии властей»). Кроме того, эмигранты — греки — вполне естественно, как впрочем и сами русские, хотели видеть в этом единственном православном государстве, сохранившем (или скорее, только что получившем в 1480 году — после окончательного свержения монгольского ига) независимость, воплощение «Третьего Рима». В правление Ивана III, которого современники называли Великим [1], кроме свержения ига и создания новой идеологии московского государства, произошло завоевание 1/3 территории Великого Княжества Литовского [2], в состав которого входили многие из русских земель. При его приемнике Василии III (1505—1533 гг.) был возвращен Смоленск (1514 г.) [3].

Во времена правления Ивана IV, который принял царский титул, произошло окончательное

превращение Московской Руси в Русское государство, которое ставило перед собой широкие исторические задачи, и обладало несравненно гораздо большими ресурсами, чем Русь XV века. Происходит теоретическое обоснование концепции царской власти на Руси.

Вехами на этом пути стало завоевание осколков бывшей Золотой Орды, в результате которого территория Руси за время правления Ивана Грозного возросла почти вдвое, борьба с оппозицией внутри страны, вылившаяся в кровавый террор, и Ливонская война, которая, несмотря на безрезультатность для России, показала возросшую силу нового государства, возникшего на востоке Европы.

Столь значительная трансформация государственного организма привела его к кризису, который получил в Русской истории название Смутного Времени. Другой вопрос, возможно — ли было предотвратить его, или хотя бы сгладить негативные последствия трансформации XV—XVI веков? Скорее всего, и ранее, до начала XVII века цари, и великие князья Руси старались гармонизировать управление государством, хотя само понятие гармонии, или «порядка» понималось подчас весьма своеобразно.

Внутренняя политика всегда оставалась одной из важнейших сфер деятельности «собирателей» Руси [4], что наглядно иллюстрируют изданные в конце XV века и середине XVI веков правовые акты — так называемые Судебники. В этих актах, среди прочего, важное место уделяется вопросам отношений «священства» и «царства». И это не случайно, ведь ещё в Византии этой проблеме издавна уделялось пристальное внимание, тем более что Москва считалась «Третьим Римом», и, как

говорили на Руси в то время, что «четвертому (Риму) не бывать».

Пожалуй, наиболее правильным решением было бы рассматривать оба Судебника вместе, так как подобно тому, как годы правления Ивана Грозного являются продолжением тех тенденций, которые начали развиваться в эпоху Ивана III (ликвидация остатков Орды, принятие царского титула, и т.д.); в равной мере и законодательство первого русского царя является продолжением законов его деда.

Название двух этих актов говорит само за себя, поскольку основное внимание в них уделялось судопроизводству. Впрочем, Судебники затрагивали различные вопросы, однако именно проблемы суда и судопроизводства всегда были на Руси среди первых забот правителей. В этом легко можно увидеть византийское наследие (здесь можно, например, вспомнить институт так называемых «вселенских судей ромеев» в XIV—XV веках, созданием которых император Андроник II (1282—1328 гг.) хотел показать всю свою заботу о подданных. Задача нового суда заключалась в служении идеалам справедливости, о которой ранее, по мнению царя, уже успели забыть).

Возвращаясь к Судебникам, стоит отметить, что их появление диктовалось потребностями процесса централизации Руси, когда вместо множества «судных грамот» появляется единый документ. Согласно его положениям, светская власть признавала, что духовенство становилось подсудно только духовным судам. В этом заключалось важное отличие нового документа от прежнего законодательства Руси.

Однако споры между светскими и духовными лицами рассматривали смешанные суды.

Вообще, кроме всего прочего, смысл концепции «симфонии властей» заключается в том, что «священство» и «царство» вместе участвуют в решении наиболее важных государственных дел («благо Церкви есть крепость империи»). Поэтому вполне очевидно, что государство не могло отнестись с безразличием к тем проблемам Церкви, которые проявились в XVII веке. Кроме того, государство могло понимать эти проблемы и как одновременно свои собственные.

Долгий период монгольского владычества, расколовший Русь, и в некоторой степени изолировавший её от остального мира, безусловно, повредил и Церкви. Ряд недостатков в церковной организации, подвигли царя Ивана IV к мысли о созыве так называемого «Стоглавого Со-

бора» в 1551 году. И здесь важным моментом является то, что инициатором его выступил царь (если не сам лично, то его советники). То есть, пожалуй, впервые со времен князя Владимира, «царство» брал на себя инициативу в делах «священства». Царь лично участвовал в работе Собора, указывал на недостатки в церковной организации к деятельности Церкви (невежество духовенства, разночтения по ряду канонических воров, распространение в народе суеверий), наконец предлагал свои пути решения проблем. Таким образом, вдохновляясь примером Константина Великого, который также участвовал в I Вселенском Соборе, Иван Грозный входил в роль если не императоров иноборцев, попиравших авторитет Церкви, то, во всяком случае, тех византийских владык, которые также могли бесцеремонно вмешиваться в дела «священства».

Большинство соборных решений целесообразно было бы отнести к области канонического права. Это: церковный суд, борьба с ересями и язычеством и другое. Однако значительное место уделялось и гражданско-правовым вопросам (проблемы церковного землевладения). В целом, итоговый документ Собора, получивший название «Стоглав», является близким по духу к византийскому Номоканону.

И это не случайно, ведь истоками его создания является правила Вселенских Соборов, и другие христианские источники. Ряд положений Стоглавого Собора действовал до издания Духовного регламента в 1720 году.

XVI век — это поистине судьбоносное время в русской истории и, если, как писал русский историк В. О. Ключевский, ранее его, «пределы Руси» определялись случайными успехами [5], то в эту эпоху складывается единое русское государство, которое с одной стороны, расширяется и укрепляется, а с другой — уже в середине века можно рассмотреть контуры грядущего социального взрыва, начала XVII века, — это разорение и поляризация страны, ряд нерешенных проблем как во внутренней, так и во внешней политике и так далее. Кроме того, в это время появляется осознание Россией своего места среди окружающих стран, особой роли, как единственной хранительницы Православия.

В XVI веке вырисовываются контуры тех исторических задач, разрешение которых станет делом следующих поколений (выход к морям, освоение Сибири, возвращение западнорусских земель и другое). Таким образом, в ту далекую

эпоху был заложен прочный фундамент русской государственности).

Для принятия решений, которые затрагивали каждого жителя Русского государства, власть нуждалась в широкой поддержке. С этой целью созывались Земские Соборы. И хотя духовенство, наряду с представителями других сословий также принимало в них участие, тем не менее, для власти мнение Церкви, выраженное отдельно, было очень важным. Хотя подобное положение часто не исключало серьезные конфликты двух властей (например, между Иваном Грозным и митрополитом Филиппом, и т.д.) [6].

Новой вехой в развитии концепции «симфонии властей в России» стало учреждение института патриаршества.

Хотя Русская Церковь в то время являлась автокефальной (самостоятельной), этот акт должен был способствовать возвышению ее авторитета, тем более что на Руси уже был царь. Вместе с тем этот шаг означал и трансформацию византийской традиции, так как появлялся пятый православный патриарх (хотя и неравный «по чести» четверем восточным [7]). Вместе с тем, с идеологической точки зрения (в свете концепции Москвы как Третьего Рима), это означало указание на то что Московское царство, хотя и является наследником Византии, тем не менее, самостоятельно. Это вовсе не перенос римской государственной идеи на Север, а построение нового государства, исходя, в том числе и из собственных традиций. То есть, если можно так выразиться, Русь, хотя и ставшая «Третьим Римом», получала основание быть именно Русью. А концепция «симфонии властей», в результате учреждения патриаршества получала более яркое выражение.

Серьезным испытанием, как для государства, так и для Церкви стало «Смутное время» начала XVII века. В ту эпоху решался вопрос о дальнейшем существовании Русского государства. И немаловажную роль в борьбе за независимость страны сыграла Церковь. Это проявлялось в двух аспектах:

1. Она, по сути, оказалась единственным институтом, который в то время напоминал русскому народу о положении, в котором оказалась страна. Здесь трудно переоценить значение обороны Троице-Сергиевой Лавры, посланий, которые писал бывший патриарх Гермоген из заключения, и которые рассылались по всем концам страны, и т.д.

2. С другой стороны, процесс осознания народами России своего единства происходил под

влиянием культурной и религиозной традиции, без которой это единство было бы недостижимо.

Можно привести пример того, что основным «рассадником революции» (Смуты XVII века), стали южные и юго-западные регионы России. Именно там и находили поддержку претенденты на царский престол. С одной стороны это можно было бы объяснить тяжелым положением этих регионов. Однако наиболее вероятным представляется вывод о том, что влияние вышеназванной культурно-религиозной традиции здесь ощущалось довольно слабо, т.к. это были в основном сравнительно недавно присоединенные и осваиваемые территории, проживало разнородное население, часто лишь на словах признававшее зависимость от государства [8].

Главным здесь является не национальная принадлежность, а отсутствие общих исторических корней, разный менталитет, стремление «к казацкой вольнице», и т.д. В результате для огромных масс народа оказалось достаточно лишь незначительной причины для «похода на Москву». Однако страна все же выдержала испытание «смутой» и вышла из него гораздо более консолидированной, чем ранее. Тем не менее, по выражению летописцев того времени, «царство вновь строится начат».

Для этого потребовалось обновление законодательной базы.

Если сравнить законодательные памятники, например XVI и XVII веков, то при внешней схожести (например, язык), видны и существенные различия между ними. Например, право XVI века в основном строилось на обычаях. Оно, как правило, закрепляло то положение вещей, которое существовало в государстве.

Соблюдение норм обычного права зачастую служило критерием легитимности княжеской власти. Здесь можно привести пример соседнего с Москвой государства — Великого княжества Литовского, состоявшего на 90 % из русских земель, и чей политический строй, например в XIV веке ничем не отличался от Северо-Восточной Руси [9].

Литовские князья, объединившие почти всю Юго-Западную Русь, при вступлении во владение какой-либо землей, обязывались «не рушить старины, а нового — не вводить».

На Северо-востоке Руси власть и после ее объединения старалась соблюдать обычаи. Отражением этого служит хотя бы введение по Судебнику 1497 года так называемого «Юрьева дня» (регламентация переходов крестьян от одного помещика

к другому), что было законодательным закреплением обычая, который складывался в то время. В таких условиях вполне предсказуемым результатом явилось то, что обычай в глазах народа оказался куда более значимым, чем указ царя. Это ярко проявлялось в период Смуты. Здесь следует добавить, что власть самого царя оказалась в то время в глазах значительной части общества незаконной (после прекращения династии Рюриковичей и воцарением Бориса Годунова). Поэтому возникла необходимость в дополнительной легитимизации царской власти, выражением чего стало избрание на царство в 1613 году Михаила Романова.

Законодательство новой эпохи отличается гораздо большей основательностью. Оно само вводит новые нормы, отвечая тем самым на потребности развития страны. И это не случайно, ведь сам народ, избрав царя, дал ему такое право. Впрочем, законодательство того времени все же сохраняет до определенной степени связь с обычным правом.

Важной вехой, своеобразным «водоразделом» между «старым» и «новым» временами является Соборное Уложение 1649 года — важный юридический памятник той эпохи.

Созданием этого законодательного Свода власть старалась заложить прочные основы для жизни государства. «Уложение» касается многих вопросов, и включает в себя многие нормы, начиная от ранних законов Церкви и указов василевсов Византии, вплоть до Судебников XVI века.

Для исследуемой темы особенно значимыми является те положения этого важного документа, которые говорят об отношениях Церкви и государства. Прежде всего, потому, что его издание подвело прочный фундамент под идею концепции «симфонии властей» на Руси.

И на примере регламентации этих отношений раскрывается роль вышеназванного документа для становления русской государственно-правовой традиции. Если сравнить «Уложение» с ранее существовавшим на Руси законодательством о церковно-государственных отношениях, то здесь видна эволюция мысли законодателя. Например, раньше, как уже говорилось выше, законодательство Руси, ориентируясь в общих чертах на византийский опыт [10], строилось на обычаях. Позже после эпохи монгольского ига, — при Иване Грозном, царь уже мог вмешиваться в церковные дела. В этом можно увидеть продолжение восточных традиций, которые укоренились на Руси, и главное, одобрялись обществом.

«Уложение» пытается в первую очередь не отразить тот или иной факт в общественной жизни, а направить развитие страны в определенную сторону. Например, одна из глав Уложения названа «о богохульниках и церковных мятежах». Тем самым подчеркивается важность религиозных вопросов в жизни тогдашней России.

За оскорбление духовных лиц предусматривался ряд наказаний, и т.д. На первый взгляд создается иллюзия гармонии священства и царства. Однако, если в первые годы после Смуты она действительно имела место, так как государство и Церковь совместно решали проблемы страны и одно время даже возглавлялись отцом и сыном (царем Михаилом Федоровичем Романовым и его отцом, — патриархом Филаретом Романовым), то с середины века гармония начала нарушаться. Первым предвестником будущего церковного раскола и «войны» между патриархом и царем, стало учреждение по тому же Уложению 1649 года нового государственного органа — так называемого Монастырского приказа. Хотя в компетенцию приказа входило рассмотрение имущественных споров между духовными лицами, обращает на себя внимание тот факт, что он оставался исключительно светским учреждением.

Кроме того, компетенция многих, иногда совершенно разных приказов часто пересекалась. Например, все приказы носили общегосударственный характер. А какова же тогда была сфера деятельности Сибирского приказа? То есть, власть, пользуясь случаем, могла вмешиваться в те сферы, которые оставались для нее закрытыми. Это относится, прежде всего, к внутренним делам Церкви.

Например, Соборное Уложение говорило: «А ныне государь... по челобитью стольников, и стряпчих, и дворян московских... указал Монастырскому приказу быти особно, и на митрополитов, и на архиепископов... во всяких истцовых исках суд давати в Монастырском приказе» [11].

Наращение противоречий между «священством» и «царством» привело в результате к их конфликту во второй половине XVII века при патриархе Никоне.

Позиция царской власти получила своё выражение в деяниях Поместного Собора 1667 года, низложившего патриарха. На Собор были приглашены восточные Вселенские патриархи, а итоговый документ назывался «Ответы патриархов и Правила касательно власти царской и власти церковной» [12].

Впрочем, сам «ответ» иерархов Востока относительно компетенции царя в делах Церкви пред-

ставляется, по крайней мере, странным, ибо говорит, что: «Патриарху же быти послушливо царю, яко поставленному на высочайшем достоинстве...» А «Правила» позволяли смещать «непослушных» иерархов: «...творящее противно церковным уставам или противно царю нерассудне и безумнее дающая с престола своего весьма быти извержительна и удалительна; ...никто же не имеет толику свободы да возможет противиться царскому велению — закон бо есть» [13]. И хотя в догматические вопросы царь вмешиваться не мог, тем не менее, на этих примерах видно какова была в XVII веке «симфония властей» на Руси. И это при том, что, как известно, Исагога — византийский законодательный памятник IX века, предписывала «патриарху быть учительным и перед царем говорить смело и не смущаться».

Однако окончательного отказа от византийской идеи не произошло, и понижение авторитета Церкви по сравнению с государством в тот период можно было бы расценить как временное нарушение «симфонии». Хотя дальнейшая история России говорит о том, что власть и дальше следовала избраннм курсом (например, эпоха Петра I).

Возвращаясь к Поместному Собору 1667 года, необходимо отметить, что он сыграл важную роль в истории России, и, среди прочего, оказал значительное влияние на русскую традицию церковно-государственных отношений.

Например, в это время произошло окончательное становление концепции «Москва — Третий Рим». Согласно ей, Православие вечно, а значит, после падения Византии его хранителем стала Русь, о чем должно было говорить принятие Московским князем царского титула и византийского герба, а также учреждение патриаршества и т.д. То есть для идеологов того времени было очевидно, что Русь взяла на себя значительную миссию.

Однако, — «два Рима пали, третий стоит, а четвертому не бывать». Это значит, что Москва должна была оказаться на высоте своего положения, чтобы не повторить судьбу Рима и Византии. Значительное место в деяниях Собора заняли также обрядовые вопросы. Их разрешение обострило церковный раскол, начавшийся в годы патриаршества Никона. Таким образом, пока церковное единство не было достижимо, государство, на первый взгляд, вряд — ли могло чувствовать себя спокой-

но. Однако, его, кажется, вполне устраивало то, что Церковь оказалась в подчинении светской власти. И степень этого подчинения с годами все более увеличивалась.

Подводя итог рассмотрению развития византийской концепции «симфонии» властей в России необходимо представить некоторые выводы:

1. Церковь играла важную консолидирующую роль в процессе становления и развития Русского государства.

2. Основное выражение концепция «симфонии властей» получала в законодательной и идеологической сферах.

3. В XVI веке, и в особенности с начала XVII начинается постепенный процесс подчинения Церкви государству.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Геллер М.А. История российской империи. В двух томах. Том 1. / М. А. Геллер. — М.: МИК, 2001. — 512 с.
2. Любавский М.К. Очерк истории Литовско — Русского государства до Люблинской Унии включительно / М. К. Любавский. — СПб.: Наука, 2004. — 310 с.
3. Хоскинг Дж. Россия и русские: в 2 кн. Кн. 1. / Дж. Хоскинг. — М.: АСТ, 2003. — 494 [2] с. 28. ил.
4. Соловьёв С.М. Древняя Россия / С. М. Соловьёв. — М.: Высшая школа, 2004. — 328 с.
5. Ключевский В.О. О государственности в России / В. О. Ключевский. — М.: Мысль, 2003. — 606 с.
6. Сергеевич В.И. Лекции и исследования по древней истории русского права / В. И. Сергеевич. — М.: Зерцало, 2004. — 488 с.
7. Соловьёв С.М. Об истории древней России / С. М. Соловьёв. — М.: Просвещение, 1992. — 544 с.
8. Соловьёв С.М. История России (с древнейших времен). В пятнадцати книгах. Кн. 1 (тома 1—2) / С. М. Соловьёв. — М.: Изд-во социально-экономической литературы, 1962. — 810 с.
9. Дворник Ф. Славяне в европейской истории и цивилизации / Ф. Дворник. Пер. И. И. Соколовой при участии И. А. Аржанцевой и С. С. Никольского. Под общ. ред. И. И. Соколовой. — М.: Языки славянской культуры, 2001. — 800 с.
10. Живов В.М. Разыскания в области истории и предистории русской культуры / В. М. Живов. — М.: Языки славянской культуры, 2002. — 760 с.
11. Николин А. Церковь и государство. История правовых отношений / А. Николин. — М.: Издание Сретенского монастыря, 1997. — 537 с.
12. Там же.
13. Там же.